

СВЕТЛЯЧОК

30.09.2011

№5 Сентябрь 2011 года

• Известная персона ИСТИНА ЖИЗНИ

Валерию Кириллову, писателю, публицисту, общественному деятелю, бывшему народному депутату России 20 сентября исполняется 65 лет. Учитывая малую площадь «Светлячка», решила, что задам ему лишь три вопроса. О его заслугах, взглядах, жизненной позиции, оценках событий читателю известно из его публикаций. А узнаю-ка я, на правах землячки, как он оценивает себя: что считает своей главной заслугой, главной ошибкой, главной любовью. Пусть, если не обнажится, то хотя бы приоткроется.

Не вышло. Валерий Яковлевич, по его собственным словам, оказался «человеком общительным, но скрытным», и беседа пошла другим руслом, умело им заданным.

Не с каждым его утверждением согласна, но, безмерно уважая его талант, понимаю, что эта беседа – для более солидного издания. Для нашего читателя – лишь малая её часть.

- О какой ошибке в своей жизни вы сожалеете настолько, чтобы заявить: этого я никогда бы не повторил?

- Это – сокровенное, пусть оно останется со мной. Скажу лишь: жизнь так устроена, что люди становятся мудрыми, когда многое уже нельзя вернуть, исправить.

- А какую большую ошибку вы могли совершить, но не совершили?

- В 1990 году, победив в заключительном туре, я стал народным депутатом России. В то время КПСС находилась в глубоком кризисе. Народ устал от старцев из Политбюро, жизнь нуждалась в переустройстве. Я поддержал преобразование и даже написал по итогам первого съезда российских депутатов книгу «Эх, легко неслись бы наши кони...». Сейчас она – библиографическая редкость. На меня «положили глаз», приглашали на обед в американское посольство, возили в Америку. Правда, очень скоро пришло осознание, что большинство «демократов» дилетанты, карьеристы, действия их чужды моим убеждениям. Окончательное размежевание случилось, когда на повестку дня встал вопрос купли-продажи земли, противником чего я был и остаюсь. Несколько раньше мне стали предлагать высокие должности в ельцинском аппарате. Но я отказался. То есть не совершил ошибки. Видимо, сыграли роль крестьянские гены, доставшиеся от предков.

- Каков ваш взгляд на современную писательскую жизнь?

- Сегодня на виду те, кто рассматривает писательский труд не как служение Отчизне, а сугубо с точки зрения бизнеса. Современная русская литература в лице писателей-почвенников находится на правах внутренней эмиграции. Их творчество окружено умолчанием. Слово б их нет. Им не дают телеэфиров, грантов, их книги не закупают библиотеки. В прошлом году, к 65-летию Победы, благодаря поддержке частного спонсора, вышла моя небольшая книга «Кому ты так обязан». Она посвящена истории партизанского движения в Калининской области. Книга мгновенно разошлась. Ко мне обращаются дети, внуки бывших партизан с вопросом: «Почему её нет в библиотеках?» Что я могу ответить? Что нынешней власти патриотическое воспитание не нужно? Впрочем, я так и отвечаю.

- Встречаетесь ли вы с читателями?

- Накануне нашей беседы ездил в деревню Торопаца, где выступал в библиотеке. Собралось около тридцати местных жителей и дачников. Рассказывал им о своих книгах, читал стихи, пел песни под собственный аккомпанемент. Силами местной самодеятельности был дан «ответный концерт». Все прошло замечательно. Возвращался с таким ощущением, что будто напился из чистого родника русской жизни. Правда, звучали в душе моей и тревожные ноты. Нынче в первый класс Торопацкой школы пойдет всего один ученик.

- Вас не угнетает провинциальная жизнь?

- Отвечу словами поэта и гражданина Гаврилы Романовича Державина:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных...

Несмотря на то, что я живу в Твери тридцать пять лет, по своему мироощущению я сельский человек. Люблю андреапольский край, где пребываю по семь-восемь месяцев в году, благодарен своим землякам и местной власти за то, что они отметили меня высоким званием Почетного гражданина района. Конечно, здесь много острых, кричащих проблем. Видеть все это больно, но все равно моя обездоленная родина прекрасна. Душе моей здесь уютней, чем в большом городе. Я постоянно общаюсь с природой, которая, в отличие от человека, всегда права. И пишется здесь лучше, несмотря на обилие других трудов...

Беседовала М.Петрова

На снимке: Два лауреата (разных лет) премии «Слово к народу» поэт и публицист Александр Бобров и Валерий Кириллов. Москва. 2011 г.

● Размышления о прочитанном
СЕРЬЕЗНАЯ
«ХОХОТУШКА ТАНЯ»
Читая сборник Т. Михайловой
«Час возмущения воды»

Преодолеть маршрут легче с картой и компасом, нежели без таковых. Путешествие в страну поэзии лучше начинать с ясными ориентирами. Что есть стихотворение в идеале? Это произведение искусства, сделанное из языкового материала. Произведение искусства – это послание в вечность. Для успеха в искусстве нужен талант. Талант можно развить, точно направить, оплодотворить трудом. Но если он дан свыше.

В. Кожин предположил, что для реализации поэтического таланта нужно совпадение трёх условий: поэтического дара, поэтической эпохи и поэтической судьбы.

Поэзия многолика. В ней найдёт место и рифмованная публицистика Асадова (опиум для старшекласниц моего поколения), и «Гарики» Губермана, и изощрённая игра ума Евгения Баратынского, и пушкинская гармония, и трагические диссонансы Случевского и Апухтина – выдающихся поэтов убийственно непоэтической поры.

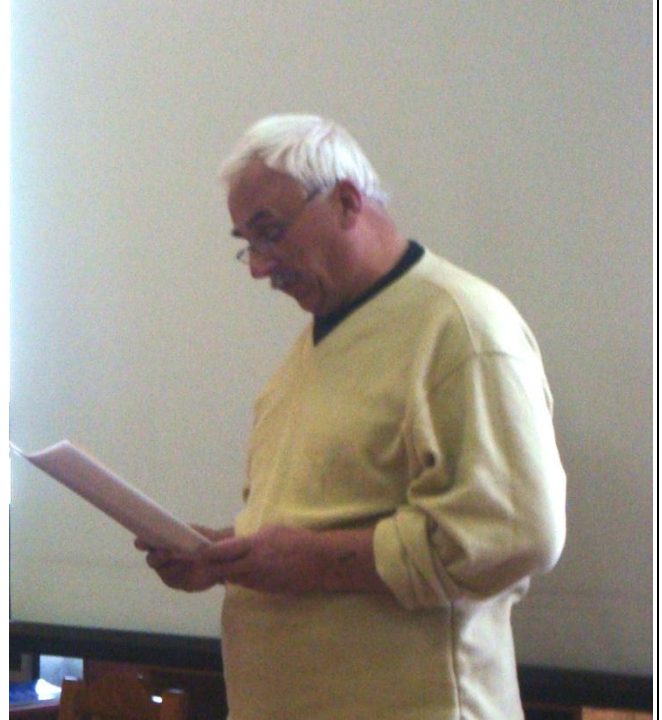
На первый взгляд странно, что в искусстве наибольшего достигал тот, кто сознавал его ограниченность и бессилие, тот, кто в отличие от восторженных глупцов понимал, что никакая красота не спасёт мир и что не стоит вопиять о «слезе ребёнка», ибо дети блажат по поводу и без повода – почти постоянно.

Достаточно известная Татьяна Михайлова – «хохотушка Таня», как она сама себя аттестовала – однажды оказалась в ситуации пикантной. «В мужской колонии пришлось вести мне лекцию о Левитане». А заключённые «Впивались взглядами в живое тело – не в Левитана трепетный мотив». На мой взгляд, это – изумительный, истинно поэтический ход, как ход гроссмейстера в шахматной партии. Редуцируем: мужики с зоны бабу хотят. А она им про мазилу какого-то, пусть с государственной фамилией, впаривает. И получилось классное стихотворение о месте искусства в жизни, местами не прекрасной. Но нет непроходимой границы. Как выразился один скептик, циник и пессимист: живая девичья грудка прекраснее всех творений Рубенса. И промелькнуло там у Татьяны насчёт старения: «и тело облетело». Да, одна из величайших драм жизни в том, что наши подруги стареют – тонко подмечено, убедительно выражено. Уточню: стареем и мы.

«Мы едем рядом, женщина и дама боярских дореформенных кровей». Далее поэтесса выражает впечатление «статии и силы», исходящей от потомка истинных дворян. Тот не поэт, кто не заставляет задуматься. И невольно приходит в голову: ну почему эти благородные да умные про...ли Россию? Да, им «толпе не стать примером».

Татьяна (признак ума) иногда иронизирует над собой. В «Азефовом труде» называет свои строчки «философическими» (в кавычках) и худосочными (без кавычек). И тут же – не без женского кокетства пополам с изыском: «хрустальные сосуды душ нагих».

(Продолжение на стр. 3)

СЕРЬЕЗНАЯ «ХОХОТУШКА ТАНЯ»

Читая сборник Т. Михайловой

«Час возмущения воды»

К чему придраться Зоилу в её стихах? Знающий основы классического богословия добродушно усмехнётся, наткнувшись на «бесстрастный» посох пророка и «монастырскую благодать», но можно ли отождествлять богословие и поэтические образы?

В стихотворении «Сплетникам» Татьяна делает инфернально блестящий (как излом антрацита в свете шахтёрской лампочки) срез реальности, итог безбожия (материалисты пусть ищут другое объяснение), которое точно кончается «грязным матом и грязью кривых непроглядных дорог». Здесь, в этом жутком параллельном мире, где «младенец в пелёнках уже от рождения стар», где Танатос одержал полную и окончательную победу над Эросом. Живут наши современники, досрочно, сверх плана, заживо похоронившие себя.

А ведь когда-то «Вместе строили планы». Это стихотворение, близкое к классическим стансам, Татьяна тоже написала на высоком уровне. Равно как и «Навстречу своей звезде».

«Просёлочных дорог причудливая вязь» вряд ли кого оставит равнодушным. Эта вещица трагична и прекрасна, как жизнь. Считай, классика. «Болдинская осень» и «Что есть содержание птицы» одарят своеобразным юмором. Кстати, о птичках: их есть у Татьяны, и не мало.

Замечу мимоходом, что проза Татьяны читается легко. Чисто субъективное: очерк «Структура гостеприимства» напомнил мне чеховский «Вишнёвый сад». Но пишу я о своём впечатлении от сборника «Час возмущения воды». О названии скажу, как поручик Ржевский: «Оригинально-с!» Подзаголовки и названия тоже не подкачали: «Автографы, литографы, граффити...», «Клиническая жизнь», «Приворотное зелье дороги». Недурственно. Признаюсь, побаивался, что наткнусь на стон по заброшенной деревне. По мне: уехали люди на лучшее место – казённые хлопоты да невелика печаль. Ежели ты так болен деревенькой – езжай, оживляй её, неча бумагу марать. Стона сего в сборнике не обнаружил. Пару «берёзок» нашёл. Кабы все эти поэтические берёзоньки можно было пустить на дрова – сельским пенсионерам надолго хватило. Татьяна не воспела ни одной собаки – это уже на грани гениальности. Кошка и кот имеются: без них, понял, нельзя – высокая поэзия-с! Зато обошлось без загадочной терзающейся одинокой (это само собой!) души.

А может, о ужас, я что-то проглядел по старости и слабоумию? Не страшно: женские «терзания» ограничены исключительно околопоэтической сферой. В жизни я не встретил ни одной «терзающейся». Я эти шуточки вот к чему подпустил: изредка скользя по краю пошлости, Татьяна сумела в пошлость не впасть – признак довольно высокого поэтического ранга.

Допускаю, что поэзия Татьяны, как и всякое творение человеческое, критикуема. Но воздержусь от критики по причине простой и ясной как плавленный сырок, как граненый стакан: нет поэту более сурового критика, чем он сам.

Многие стихотворения Татьяны (имя, в котором слились и «тать» и «Яна») могут послужить темой особого разговора. Но, пожалуй, достаточно на сей раз. Остальное – читателю. Разочарован он не будет. Поэтический дар налицо. Поэтическая судьба просматривается в творениях. Эпоха в любой момент, как подметил Евтушенко, «может обернуться круто» и – к ужасу многих – стать «поэтической». Ясно, что создать прекрасное может к тому стремящийся.

Станет ли Татьяна Михайлова в ряд классиков русской поэзии? Это зависит не от нас, а от неё и некоторых фатальных факторов. Исходные данные имеются.

М. Никоноров,
г. Андреаполь.

(сокращенный вариант этой статья опубликован в №28 газеты «Тверские Ведомости»).

• Гости клуба

Татьяна Михайлова

«ЧАС ВОЗМУЩЕНИЯ ВОДЫ»

Так называется новый поэтический сборник тверичанки Татьяны Михайловой. Андреапольцы знают этого автора. С её книгой о нашем художнике Владимире Дмитриеве читатели познакомились на заседании «Светлячка» несколько лет назад, а позже на встрече, которая проходила в Андреапольской центральной библиотеке, она приехала сама. Тогда речь шла о сборнике её стихов «Четвёртая пятница» и книге «Жареный виноград». Предлагаем вашему вниманию несколько стихотворений из новой книги.

ОСЕННЯЯ ВЫСТАВКА

Павлу Урсу

Ноябрь простыл, охрип и посерел.
 Всё меньше охры в рубище осеннем.
 Вдали гуляют люди (воскресенье!),
 Но скорбен абрис их фигур и тел
 Недавнее тепло в другом этюде
 Не обволакивает, как весной.
 И даже щучий хвост на плоском блюде
 Пестрит осенней жидкой желтизной.

О да, художник – не разносчик пиццы
 Или дистиллированной воды
 (Сомнений и ночей без сна на лицах
 Художников вы видели следы?).

Подарим же и мы ему немного
 Признанья, чтоб, как в сказке в день иной,
 Ростки случившегося диалога
 Ростком огня проклюнулись весной.

МОЛИТВА МАТЕРИ

В нём пять пудов литой мускулатуры.
 Тугую плоть
 С любовью – антонимом халтуры –
 Ваял Господь.

В нём запоздалый ветер дальних странствий,
 Пески пустынь,
 И ослепительное постоянство,
 И сердца стынь.

Молилась мать, чтоб и душа мужала
 С его лицом, -
 Нет, сохнувшей смоковницей лежала
 Перед Отцом.

Пошли, Господь, ему, трудяге, хлеба
 В годах седин,
 И веры прежде, чем возьмёшь на Небо:
 И мне он - сын.

* * *

Что есть общенье? Трещина в стене
 (Через неё ветра сорвут обои)
 Или весна, звенящая во мне
 И наполняющая ночь тобою?

Бессонницы недобрый камнепад,
 Плен тишины в ночном кромешном мраке
 (Чтоб не сойти с ума, бываешь рад
 Любой вдали пролаявшей собаке)?

Или ночные ветры нам даны
 Как молодое приложенье к скалам,
 А головокружение весны
 Нас приближает к мудрым аксакалам?

Не знаю: я всегда в весне тону
 (Без вёсен годы выпадают редко).
 Но снова не даёт пойти ко дну
 Тобой во сне протянутая ветка.

• Молодые голоса

Дмитрий Попов

Родился в 1992 г. Живёт в Москве, но каждое лето проводит в д. Жуково в загородном доме бабушки. Отсюда и любовь к андрепольскому краю, его природе и богатой истории. Первый сборник стихов «Край мой любимой, заветный» был издан в 2007 г. 833-ем московской школой, в которой он учился в 8-ом классе. Лауреат конкурса чтецов среди московских школьников старших классов, призер литературного конкурса «Золотое перо – 2007» Международного университета в Москве.

ДЕРЕВНЯ МОЯ, ЗОЛОТЫЕ ОСИНКИ

Деревня моя, золотые осинки,
И край мой неброский, такой дорогой,
Где тучи роняют небрежно дождевки
Своею лохматой свинцовой рукой.

Но я почему-то люблю непогоду,
Что каждое лето идет чередой.
Уснули озера, утихла природа
И лес над угрюмой рекой Волкотой.

Туманом укрылась родная Песчаха,
Окутался дремой любимый мой край.
И отмели, камни, что в русле песчаном
Меня так и манят на горный Валдай.

Деревня моя, золотые осинки,
И край мой неброский, такой дорогой,
Я рад, что родился в российской глубинке,
Где в сердце надежда, а в душах покой.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Опавшие листья, опавшие листья
Мне вас почему-то особенно жаль.
И снова мои опустевшие мысли
Куда-то как листья уносятся вдаль.

Любовь не воротишь, растаяло детство,
Давно уж ушла от лесов синева
И дом у берёзки грустит по соседству,
Где мы говорили простые слова.

Опавшие листья, вы снова со мною.
Вы слышите слёзы и мысли мои.
Опять я стою над притихшей Двиною,
Опять вспоминаю притихшие дни.

РОССИЯ - ПТИЦА ВЕЩАЯ!

Россия птица вещая,
Другую не найти.
Пути-дороги скрещены.
Лети. Лети. Лети.

Над сказочными соснами,
Над свежестью куртин,
Над сёлами неброскими
Лети. Лети. Лети.

Сияй крылами белыми,
Гляди очами вдаль.
Пусть люди в счастье веруют,
Забыв свою печаль

Тебе одной завещано
Так много впереди.
Россия-птица вещая
Другую не найти.

НАД ПОГОСТОМ

Я пойду по тропе постоять над погостом
И о жизни своей неспеша погрузить.
В этом мире мне жить и легко и непросто,
И сирень скоро будет, как в детстве, цвести.

Сколько гроз прошумело, мне скажет невольно
Старый клён, прислонившись к ограде стволом.
Мне стоять над погостом и грустно и больно,
Ну а годы летят, их смывает дождём.

И кресты уже стали совсем незаметны,
И неясен к могилам нехоженный путь.
Я пойду по тропе помолчать в Край заветный
И усопших, в земле что лежат, помянуть.

• Фестивали, конкурсы, встречи

«ГРУША»

В эти горячие фестивальные дни каждый находил для себя занятие по душе: кто-то занимался жизнеобеспечением лагеря, кто-то, как угорелый, носился из конца в конец огромной фестивальной поляны, успевая за вечер выступить на трёх-четырёх, а то и на пяти сценах,

кто-то тоже ходил со сцены на сцену, но не ради выступления, а для того, чтобы послушать своих любимых исполнителей, послушать вживую, а не в записи, да ещё при желании и получить автограф или просто пообщаться, «отловив» отработавшего свой концерт маэстро «за кулисами». Официальные концерты на сценах продолжались до двух часов ночи. А после этого сцены переходили в режим «свободного микрофона», когда любой желающий мог выйти на сцену и попытаться привлечь своими песнями внимание аудитории. Была бы аудитория. Нон-стоп шли концерты и на нашем Кольском Бугорке. Продолжались и уже традиционные ночные посиделки. В общем, спать по ходу фестиваля особо было некогда – самые поздние «певуны» ложились спать в 6-7 часов утра, а самые ранние просыпались в 9-10. Но никто не роптал, никто не жаловался, что, мол, ему не дали выспаться – все всё прекрасно понимали. Да и не спать же мы сюда приехали за тысячи километров, в конце-то концов!..

А народ на фестиваль тем временем всё прибывал. По «тропе энтузиастов» – длиннющей, тысячеступенной лестнице, круто ниспадающей по бывшему волжскому берегу от железнодорожной станции прямо к фестивальной поляне, постоянно змеилась вниз вереница навьюченных рюкзаками и гитарами «бард-паломников», жаждущих приобщиться к главному событию года в мире авторской песни. Только по данным официального милицейского (ой, простите, конечно же, полицейского!) пресс-релиза Грушинский фестиваль на Машурковских озёрах в этом году посетили 34 тысячи поклонников бардовской песни.

Тем временем наступил субботний вечер. На Грушинском фестивале он знаменателен Главным концертом – на «Гитаре». Представьте себе примерно двухсотметровый склон, круто спускающийся к одному из Машурковских озёр. Это – «Гора». Перед «Горой», на озере, на понтонах, сооружена плавучая сцена в виде гитары. На сцене установлены микрофоны. Она

На снимке: Алёна, Яна, Алла и Владимир Юриновы на одной из фестивальных сцен
(начало в №4, продолжение на стр. 7)

«ГРУША»

освещена яркими прожекторами. В 22 часа концерты на всех фестивальных сценах прекращаются, и на «Гитаре» начинается Главный концерт.

Зрители, пришедшие на концерт, располагаются на «Горе» – вверх по склону: на первых метрах тридцати – на вкопанных в землю металлических скамеечках, а дальше – кто как: на принесённых с собой разнообразных сидушках, на «пенках», надувных матрасах, а зачастую и просто на траве. Природный амфитеатр свободно вмещает несколько тысяч зрителей. Любой артист может только мечтать о столь большой аудитории. И столь отзывчивой! «Гора», она ведь живая! Она чутко отслеживает всё, что происходит на сцене. Она требовательна и в то же время снисходительна. Она простит исполнителя, запутавшегося в аккордах, и поддержит аплодисментами автора, забывшего от волнения слова. Единственное, чего Она не приемлет, так это фальши. Тогда «Гора» отзывается глухим ропотом и свистом, и никакие самые мощные динамики не выручат в этом случае оплошавшего артиста. Но если песня «Горе» нравится – она вся, снизу доверху, покрывается огоньками фонариков, покачивающимися в такт мелодии, и тогда кажется, что она действительно живая – «Гора».

Концерт на «Гитаре» длится всю ночь. Здесь выступают самые почётные гости. Здесь выступают и лауреаты фестиваля. Концерт на «Горе» – центральное событие фестиваля. И одновременно – его «финальный аккорд». Сразу по окончании Главного концерта палаточный город на фестивальной поляне начинает стремительно пустеть. По «тропе энтузиастов» вновь начинает тянуться вереница людей с рюкзаками, но только теперь уже вверх – на станцию.

А у нас, на Кольском Бугорке, воскресенье – ещё не конец фестиваля. Воскресный вечер и последующая ночь отданы под весёлый «Концерт закрытия» и зажигательную «бард-дискотеку». Вот уж где оставляются последние, ещё не растроченные, силы!..

Ну, а уж в понедельник... Понедельник, он и есть понедельник – день тяжёлый. День расставаний. День слёз. Слёз и вправду немало. Но слёзы эти светлые. Мы ведь все прекрасно знаем, что расстанемся всего лишь на год. Что год этот пролетит быстро. Что до Нового Года мы будем вспоминать прошедший фестиваль, а после – будем ждать новый. И что через год мы снова встретимся здесь, на гостеприимной самарской земле, на очередной «Груше», на нашем, милом сердцу, Кольском Бугорке. Мы ведь все знаем, что фестиваль, как и футбол, состоится при любой погоде!..

Ночь поседела, дождь устал, выцвели фонари.
Там, за дождями, ждёт вокзал, сгорбленный, как старик.
Выпита водка и выпит чай, и выпета песен тьма,
и абажура сонно качается шёлковая тесьма.
До свиданья, до свиданья! Вздох и ладонь в ладонь.
Снова летим на обещанья, бабочкой – на огонь.
До свиданья, до свиданья! Ветер, планету вращай!
Гулкий вокзал, зал ожидания – жизни твоей праща.
Спутаны петли пыльных дорог, дальних и ближних дорог.
Сто раз перешагивай через порог – не нашагаешься впрок.
И давят колёсами поезда свой же злорадный стук.
А в памяти, в памяти – только глаза да прикосновение рук.
До свиданья, до свиданья! Память хрупка, как сон.
На подоконнике – изваянем – кактус и телефон.
До свиданья, до свиданья! Помни, пиши, звони.
Пусть возвращаются, хоть с опозданием, ветры на круги свои.
Все расставанья – лишь расстоянья. Вспомни родную речь:
до свиданья, до свиданья, это значит – до встреч!

Владимир Юринов

В материале использованы тексты песен автора.

● Приглашаем к участию

ЯЗЫК МОЕЙ МАМЫ

Уважаемые издатели и читатели «Светлячка», предлагаю Вам поучаствовать в сохранении того языка, на котором разговаривали наши предки. Для начала предлагаю извлечения из моего «словарика». Значительную помощь в его составлении оказал мне житель деревни Роженка Геннадий Петрович Зайцев. Надеюсь, что читатели «Светлячка» существенно пополнят список собранных слов. В последующем его можно будет передать от имени «Светлячка» ученым филфака Тверского госуниверситета.

Калаброд (ударение на последнем слоге) – беспокойный человек.

Каленый (ударение на втором слоге) – грубый, злой человек.

Калика (ударением на первом слоге) – репа.

Калым (ударение на последнем слоге) – левый заработок или предварительная уплата за невесту.

Коверзни (ударение на втором слоге) – лапти, пошитые резиной.

Козюлька (ударение на втором слоге) – скамеечка для бойки коровы вручную.

Колдобина (ударение на втором слоге) – неровное место на дороге или омуток на маленькой речке или ручье.

Комли (ударение на первом слоге) - самодельная лодка из двух соединенных вместе выдолбленных комлей осины.

Копыл (ударение на последнем слоге) - опора на полоз в дровнях (санях), колодка для изготовления лаптей.

Корчага (ударение на втором слоге) – большой глиняный горшок.

Кочеврежина (ударение на третьем слоге) – коряга, обломок или остаток дерева в лесу.

Кочедык (ударение на последнем слоге) – инструмент для изготовления лаптей.

Кочеряга (ударение на предпоследнем слове) – кочерга для печи.

Крашеть (ударение на последнем слоге) - насест для кур.

Крехать (ударение на первом слоге) – кряхтеть.

Крой – заготовка для изготовления сапог.

Кросны – (ударение на первом слоге) - одна закладка нитей для ткачества в ткацком стане.

Крига (ударение на первом слоге) – сеть для ловли рыбы, состоящее из двух «крыльев», то есть из двух сводящихся рыбаками, при заходе в воду, частей.

Крюча (ударение на первом слоге) – овраг в лесу.

Куделя – «трепанный» лен, предназначенный для прядения.

Кубан – глиняный горшок для молока.

Курчушком (ударение на первом слоге) – упал или лег кое-как, ничком.

Лабуда (ударение на последнем слоге) – ерунда.

Ладка (ударение на первом слоге) – посуда для первого блюда.

Лапошень (ударение на последнем слоге) – простофиля.

Ленюга (ударение на втором слоге) – ленивый человек.

Летось (ударение на первом слоге) – в прошлом году.

Леха (ударение на втором слоге) – гряды.

Лоскотун (ударение на последнем слоге) – болтливый человек.

Лоскотать (ударение на последнем слоге) – стучать обо что-то или проявлять болтливость.

Лотоха (ударение на последнем слоге) – ротозей.

(начало в №3,4, продолжение следует)

Выходит 1 раз в месяц.

Бесплатно, в том числе в электронном варианте.

Подписано в печать 29.09.2011 года

СВЕТЛЯЧОК

Печатный орган литературного клуба «Светлячок» при Андреапольской ЦБС (директор Белякова Н.В.)
Ответственный за выпуск: Петрова М.А. (председатель литературного клуба «Светлячок»)

Технический редактор: Афанасьева Е.Н.

Тираж – 150 экз.

Адрес редакции: 172800
г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1.

Электронный адрес: andkniga@andrapol.tver.ru